

Ян Цин не испытал былой радости от возвращения. Он и так собирался покончить со всем, уже всё отпустил. Для него жизнь была тяжелее смерти. Раз он смог покончить с собой один раз, значит, сможет и во второй. Он даже не мог справиться со своими эмоциями, не то чтобы беспокоиться о семье. Смерть приносила избавление — умер, и всё кончилось. После смерти он уже ничего не будет знать, и чувства родных больше не будут его касаться. Ян Цин понимал, что мысли эти эгоистичны, но когда подавленность достигала предела, а в жизни не оставалось улыбок, его плечи уже не могли вынести никакой ноши.

Дети двенадцати-тринадцати лет, даже поступив в среднюю школу, вели себя по-детски, как младшеклассники. На место Ян Цина никто не обращал внимания. Одноклассники занимались своими делами, их энергия была через край. Даже во время обеденного перерыва, избегая проверяющих, они шептались и болтали без умолку.

Сосед по парте и девочка с передней парты разговаривали, их слова влетали в одно ухо Ян Цина и вылетали из другого. Он не мог уловить суть их разговора, но звуки вокруг раздражали его.

— Эй, Ян Цин, ты сделал домашнее задание по математике?

Ян Цин смотрел, как губы девочки перед ним шевелятся, и лишь через полминуты вспомнил, что её зовут Чэнь Шань. Через несколько лет она станет высокой и стройной девушкой, но сейчас она была всего лишь девчонкой. Она была самой младшей в классе, ей всего одиннадцать лет. У Ян Цина не осталось о ней хороших воспоминаний, хотя он и не мог точно сказать почему. Возможно, из-за того, что она была слишком шумной. Ян Цин не любил, когда его трогали, и даже лёгкий толчок от Чэнь Шань вызывал у него внутренний дискомфорт. На самом деле раньше он был не таким.

Когда-то у Ян Цина были близкие отношения с людьми. В университете он встречался с несколькими парнями. Никаких свиданий, никаких разговоров — сразу в гостиницу, в якобы чистый номер, где они предавались страсти. В университете Ян Цин вёл себя распушенно. Соседи по комнате целыми днями играли в игры, а он часто предавался разгулу: то проводил безумную ночь с женщиной, то вдруг отправлялся на вокзал, покупал билет и уезжал в какой-нибудь отдалённый городок, исчезая на несколько дней, но никто этого не замечал.

Казалось, в глубине души у Ян Цина всегда были беспокойные гены, но за годы его углы стёрлись. Он взглянул на Чэнь Шань, затем услышал, как она снова заговорила.

— Я спрашиваю, сделал ты домашнее задание или нет? Если сделал, покажи мне!

Ян Цин вдруг вспомнил, что он староста по математике, то есть ему нужно собирать задания. Ему сейчас хотелось найти место, где можно спрятаться.

Ян Цин механически покачал головой, затем достал тетрадь, собираясь делать задание. В любом случае, он вернулся, и теперь надо было жить как раньше. Он считал, что у него нет сил что-то изменить, но он мог перестать заботиться. О семье или о мужчинах, которых когда-то любил.

У мальчика были длинные ресницы. Парень смотрел на него долго и, наконец, воспользовавшись тем, что во время обеденного перерыва все спали, протянул палец и коснулся его ресниц. От прикосновения кончики пальцев защекотали. Он посмотрел на мальчика: тот сохранял позу спящего, но щёки его пылали.

После вечерних занятий Ян Цин вместе с соседом по парте пошёл в общежитие. Соседа звали

Дэн Ян, Ян Цин вспомнил это, лишь увидев имя на тетради. Впрочем, его нельзя было винить: память у него всегда была плохая, учебный год только начался, они знакомы всего несколько дней. А в его памяти всплывало, что через несколько дней после начала учёбы пересаживают, и с этим соседом связей больше не будет. Поэтому Ян Цин мог вспомнить Чэнь Шань, но не Дэн Яна.

Общежитие учеников класса 1-5 находилось на пятом этаже. Поднявшись туда, Ян Цин чувствовал себя так, будто его чуть не прикончила усталость. Сейчас был разгар лета, и он чувствовал, как пот прилип к одежде, вызывая сильный дискомфорт. Средняя школа посёлка Сыминь была небольшой, и общежитие тоже маленьким. Мальчики и девочки жили в одном здании, коридор делила железная дверь, и разговоры девочек с той стороны были слышны идеально. На этаже было около десятка комнат, а туалет и душ были общими на весь этаж.

Место, где набирали горячую воду, находилось внизу. Ученики спускались туда с ведрами или чайниками. Они всегда толпились вокруг кранов. Подростки двенадцати-тринадцати лет ещё не знали правила «дамы первыми». Как только один уходил, следующий сразу ставил своё ведро. За полведра обычно брали двадцать центов. У водонапорной башни сидел старик, который, видимо, брал плату по настроению. Во всяком случае, за всё это время никто так и не понял принципа его тарифов.

Ян Цин узнал, где его вещи, спросив у соседа сверху. Его кровать была нижней, у двери. Сосед сверху сидел на его кровати и грыз упакованные куриные лапки. Ян Цин не знал, связано ли это с тем, что он был геем, но у него была лёгкая брезгливость. Видя, как сосед сверху сидит на его постели и ест, он не мог этого стерпеть и решил не смотреть. Взяв своё ведро, он пошёл вниз к водонапорной башне. Там, как всегда, толпились люди. Ян Цин стоял в стороне с бесстрастным лицом, словно чужой этому шуму.

Полведра воды для двенадцатилетнего мальчика не должно было стать проблемой, но Ян Цин не ел дважды и даже не пил воды. Живот урчал от голода, при напряжении голова кружилась. Ян Цин стиснул зубы, поднялся на этаж, передохнул, затем поднялся ещё и снова отдохнул. На набор воды и подъём ушло много времени. Он только успел отнести воду в ванную и начать искать одежду на завтра, как свет в общежитии погас.

Внезапная темнота напугала Ян Цина. Сколько лет прошло с тех пор, как он в последний раз испытывал это — выключение света в общежитии? В коридоре свет горел, и если открыть дверь, можно было что-то разглядеть. Ян Цин нашёл пакет, сложил одежду и пошёл в ванную. Он подумал, что это к лучшему — он не хотел толкаться с толпой.

Даже летом эти ученики не мылись каждый день. Мытьё было хлопотным делом: нужно было носить воду, да и стирка грязной одежды... Мальчики не хотели мыться, ведь раз в неделю они возвращались домой и могли помыться там. Это было распространённым мнением в школе. В этом возрасте дети ещё не начали следить за внешностью, они были просто детьми.

Ян Цину было тяжело нести даже полведра, не говоря уже о полном ведре, смешанном с холодной водой. Ему приходилось держать его двумя руками и гнуться. Ян Цин не понимал, о чём думал раньше, покупая такое большое ведро. Нельзя было купить два маленьких и носить в два захода?

Тело мальчика ещё не начало развиваться. Ян Цин смотрел на своё незрелое тело в пустой ванной, затем медленно полил себя водой. В этот момент он услышал шаги и вздрогнул. Он замер и уставился на занавеску, закрывающую вход. Вдруг занавеску откинули, и он уставился на ноги человека. Его белая рука сжалась, оставив на коже красный след.

— Староста по математике? Ты тоже так поздно моешься?

Это был Чжан Линь. Ян Цин тихо отозвался и ускорился. В прошлой жизни он привык к душе, и теперь этот простой способ мытья казался ему крайне неудобным. В суете кусок мыла выскользнул из рук. Ян Цин смотрел, как только что открытый мыло упало к ногам Чжан Линя, и в голове осталось только одно слово: «Ебать!»

Ян Цин замешкался на мгновение, затем подошёл: сначала присел, потом медленно потянулся за мылом. Он всячески внушал себе, что Чжан Линь сейчас всего лишь мелкий сопляк, ничего не понимающий! Но подняв мыло, он увидел перед собой две белые ноги и розовый кончик в редких волосах между ними. В прошлой жизни Ян Цин никогда не видел такого! Он забыл, что сидит на корточках, и потеряв равновесие, плюхнулся на пол.

В последние два года перед перерождением Ян Цин был вспыльчив. Его злила каждая мелочь, но следом приходила крайняя пустота и самобичевание. Сейчас он думал, что разозлится, но к своему удивлению ощутил редкое спокойствие. Ян Цин вернулся в свой угол и продолжил мыться. В этот момент он вдруг почувствовал, что что-то изменилось. Он начал фантазировать: если небеса дали ему ещё один шанс, может, это знак, что нужно начать всё сначала и ухватиться за возможность? Но он понимал, что фантазии — это лишь фантазии, несбыточные мечты.

Чжан Линь, как и все дети его возраста, был озорным. Увидев, что Ян Цин уже одевается, он плеснул водой из своего ведра, брызнув на ноги Ян Цина. В ответ он получил холодный взгляд мальчика и вдруг почувствовал себя полным дураком.

— Ян Цин, подожди меня, мне страшно одному!

<http://bllate.org/book/16718/1536919>